

ном заседании; опознания лиц или вещей в режиме видеоконференции и даже опроса последних в режиме видео- или телефонной конференции. В этой связи с целью обеспечения оперативности уголовного производства и минимизации личных контактов руководству Государственной фискальной службы Украины было предложено использовать дистанционный режим при выполнении временного доступа к предметам и документам, т. е. осуществлять обмен электронными версиями документов. По примеру Государственной фискальной службы Украины, позволившей передавать участникам уголовного судопроизводства, находящимся в территориально удаленных от органа досудебного расследования местах, показания в форме нотариально заверенных заявлений при условии, что в дальнейшем эти лица после окончания карантинных мероприятий будут допрошены традиционным способом, вполне логичным представляется возможность введения подобных рекомендаций следственными подразделениями Национальной полиции для осуществления досудебного расследования.

Полагаем, что с учетом возможной сезонности пандемии уместно дополнить УПК Украины положениями о некоторых «ослаблениях» при сборе доказательств, например, временно, на период введения в государстве карантинных мероприятий, считать надлежащим доказательством показаниям, полученные от лица в режиме видео- или телефонной конференции с составлением соответствующего протокола. Такое предложение мы обосновываем хотя бы тем, что в отличие от пандемии в УПК Украины установлены предельные сроки проведения досудебного расследования и не предусмотрено среди существующих оснований для приостановления досудебного следствия введение определенных ограничений на период карантина.

Своевременные действия государства, проявившиеся во внесении Законами Украины от 30 марта 2020 г. № 540-IX и от 13 апреля 2020 г. № 558-IX изменений в УПК Украины, в очередной раз свидетельствуют о динамичности современного уголовного процесса.

Опыт осуществления уголовного судопроизводства пригодился и после частичного снятия ограничений, установленных во время карантина. Еще большую актуальность приобретает не только дистанционное досудебное расследование за счет инструментов, которые могут использовать следователи и прокуроры при собирании доказательств, онлайн-рассмотрении в режиме видеоконференции вопросов, отнесенных к компетенции следственного судьи, но и постепенное внедрение электронного (цифрового) документооборота в рамках диджитализации. Надеемся, что пилотный проект перевода уголовных производств в электронный формат, который стартовал в Украине именно в период ми-

ровой пандемии 30 апреля 2020 г. среди антикоррупционных органов – Национального антикоррупционного бюро Украины, Специализированной антикоррупционной прокуратуры и Высшего антикоррупционного суда, будет успешным.

УДК 343.13

С.В. Рыбак

ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ХАОС И ВАРИАНТЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Обеспечение стабильности законодательного пространства, оптимизация его качественных и количественных характеристик являются одной из задач современного общества. Некорректное формулирование правил и требований, встречающееся в ряде нормативных правовых актов, снижает эффективность правоприменительного процесса, приводит к усложнению понимания взаимосвязи соответствующих норм и их практической реализации, а в конечном итоге – к возникновению коллизий и некачественным действиям правоохранительных органов. Особенно это проявляется в правовой сфере, где на первый план выходит необходимость поиска баланса между удовлетворением государственных и общественных интересов, а также соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан. Не является идеальным в этом отношении и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.

С момента принятия действующего УПК и вступления его в силу прошло чуть менее 20 лет. За это время более 500 раз в УПК корректировались отдельные нормы, добавлялись некоторые институты и статьи (части, пункты). Большинство институтов уголовно-процессуального права модернизировались, приводились в соответствие бурно развивающимся и трансформирующимся общественным отношениям. Вместе с тем отдельные терминологические коллизии встречаются и в ныне действующем уголовно-процессуальном законе. Ярким примером является регламентация такого следственного действия, как «назначение и проведение экспертизы». Именно таким образом данное следственное действие названо в гл. 26 УПК. Вместе с тем в ряде статей уголовно-процессуального закона исследуемое следственное действие упоминается в разрезе иных терминологических конструкций.

В одних случаях законодатель называет рассматриваемое следственное действие «производство экспертизы» или «экспертиза» (ч. 1 ст. 103; ч. 2 ст. 173; ч. 1, 3 ст. 173³; ч. 4 ст. 227 УПК и т. д.), в других нормах

употребляется выражение «назначение экспертизы» (ч. 1 ст. 186; ч. 2 ст. 226; ч. 1 ст. 227; ч. 2 ст. 231; ч. 6 ст. 229 УПК и т. д.), и, наконец, нередко законодатель оперирует категорией «проведение экспертизы» (ч. 1 ст. 196; ч. 1 ст. 206 УПК и т. д.). В ч. 1 ст. 235 УПК употребляется выражение «назначение или проведение экспертизы».

Разные подходы законодателя закономерно детерминируют вопросы о корректном названии как самого следственного действия, так и постановления следователя (лица, производящего дознание), инициирующего проведение экспертного исследования. Видится потребность в уяснении причин такого хаоса в употребляемой терминологии и способов его нивелирования.

Сложности терминологического характера обусловлены двухзвенной структурой рассматриваемого следственного действия. Оно состоит из деятельности следователя (лица, производящего дознание), назначающего экспертное исследование, и деятельности эксперта, его проводящего. Описывая общие правила и требования к участникам данного следственного действия, к их действиям, законодатель вынужден акцентировать внимание либо на этапе назначения, либо на этапе проведения экспертизы, так как субъекты деятельности на данных этапах различны (следователь и эксперт), как и само содержание правоотношений. При этом разработчиками УПК изначально не были подобраны и введены в оборот необходимые выражения синонимичного характера, позволяющие избежать некорректного употребления категорий, из которых складывается название рассматриваемого следственного действия.

Корректировать название «назначение и проведение экспертизы», на наш взгляд, нет необходимости, так как оно в полной мере соответствует сущности складывающихся правоотношений. Законодателю следует, по нашему мнению, ввести в употребление оборот «проведение экспертизы» исключительно при описании правоотношений, складывающихся на этапе работы эксперта или экспертного учреждения. Когда же речь ведется о деятельности следователя (лица, производящего дознание) в рамках рассматриваемого следственного действия уместным видится использование выражения «инициировать экспертное исследование» вместо «назначить экспертизу».

Постановление следователя, инициирующее экспертное исследование, целесообразно назвать «постановление о назначении и проведении экспертизы». Соответственно, и иные процессуальные документы (протокол ознакомления с постановлением о назначении и проведении экспертизы и др.) должны в полной мере отражать название следственного действия.

Выражения «назначить экспертизу» и «провести экспертизу» корректно употреблять только в связке при обозначении полного названия

следственного действия. Их отдельное использование при описании правоотношений, связанных с инициированием и проведением экспертного исследования, видится некорректным. Это же относится и к однотипным вариантам фраз: «экспертиза», «назначение экспертизы», «проведение экспертизы» и др. Вместо них, исходя из требуемого смыслового содержания, целесообразно использовать полное название следственного действия «назначение и проведение экспертизы» или выражения «инициировать экспертное исследование», «проведение экспертизы», обозначающих соответствующую деятельность конкретного субъекта на одном из этапов рассматриваемого следственного действия.

УДК 343.13

Я.П. Ряполова

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Цифровые технологии в современном мире преобразовывают устоявшиеся государственные и общественные институты, воздействие технологического фактора на правовые отношения становится неизбежным и наступательным. В эпоху четвертой промышленной революции заявляют о трансформации традиционного права [1, с. 5], выдвигается гипотеза национальных моделей цифровизации правовой культуры [2, с. 10] и пр.

Справедливо считать, что изменения уголовно-процессуального законодательства не отражают темпа развития современных телекоммуникационных отношений, только отдельные последние изменения законодательства направлены на восполнение известного пробела. Как полагают многие исследователи, цифровизация досудебного уголовного судопроизводства в России происходит непоследовательно и неоперативно, законодатель медлит с интегрированием в уголовный процесс предлагаемых электронных новинок, не обращая внимания даже на тот факт, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ в этом вопросе заметно отстает от других российских процессуальных законов [3, с. 642], не говоря уже об отрыве от ведущих мировых практик, где достаточно давно и успешно интегрируются технологические решения в правоохранительную деятельность [4, с. 121; 5, с. 84; 6, с. 22].

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00088).